

Петербургские тайны

Фантазии и явь Валерия Барина

В. Барин

Творческий путь выпускника Щепкинского училища, народного артиста России Валерия БАРИНОВА начинался в легендарной Александринке. В Дом Островского, как принято называть Малый театр, его питомец вернулся уже зрелым мастером. Но свою заслуженную популярность актер приобрел, как, впрочем, большинство его коллег по театральному цеху, в значительной степени благодаря кинематографу. Достаточно сказать, что число телесериалов, в которых снялся Валерий Барин, давно перевалило за двадцать. А до конца года к ним должно прибавиться еще как минимум пять.

Поводом к нашей встрече стали его петербургские тайны. Нет, речь пойдет не о нашумевшем российском сериале по роману Всеволода Крестовского, постоянно крутящемся на каком-нибудь телеканале, где актер создал зловещий образ управляющего в доме Шадурских со смачной фамилией Хлебонасущенский.

Захотелось узнать, что значит Санкт-Петербург для человека, чьи первые шаги в избранной им профессии начинались под сводами этого города-легенды. Города, где создавали свои гениальные творения Пушкин и Достоевский, Гоголь и Блок. Города, где рождались магические аккорды Дмитрия Шостаковича.

— Если не ошибаюсь, вы родом из Орла — чудесной среднерусской провинции, подарившей миру Тургеневу и Лескову, Фету и Бунину...

— Это действительно так. Но сколько себя помню, всегда мечтал жить в Москве. Парнишкой чуть ли не каждый день бегал на вокзал провожать идущие в Москву с юга поезда. Ясил всеми силами в себе желание прыгнуть на подножку проходящего мимо состава. Москва с детства манила мое воображение. Страстно желал подрасти и поскорее вырваться из губительных, как мне тогда казалось, оков душевной патриархальной провинции на столичный простор.

— А когда цель была достигнута?

— Если честно, воспринял это как достойную меня данность.

— И город Петра не будил фантазию, не будоражил душу?

— Да нет, я относился к нему вполне

не спокойно. Лишь за год до окончания Щепки решил взглянуть на былую славу Российской империи. В ту пору я был влюблен, собирался жениться. А родственники моей невесты — мама, бабушка, сестра и тетя — жили в Ленинграде. Вот мы и отправились туда на зимние каникулы.

После короткого знакомства с родней моя избранница предложила съездить на Петроградскую сторону, где пустовала комната в коммуналке, ждущая ее возвращения со столичным дипломом актрисы. Мы сели на трамвай номер три, который шел от Сенатской площади мимо Летнего сада.

Зимнее солнце стояло в зените. На небе ни облачка. И когда выехали на Кировский — теперь Троицкий — мост, мне впервые открылась в медово-прозрачных солнечных струях стрелка Васильевского острова. Мы миновали Растрельные колонны, Эрмитаж. Вдали посверкивали строгие контуры Петропавловской крепости.

Суровая, чуть надменная красота этого города пленила меня буквально с первого взгляда. И я мысленно сказал самому себе: "Хочу здесь жить". Так и случилось. Спустя год я показывался сразу в нескольких ленинградских театрах. В Александринке в то время блистали Толубеев, Симонов, Юрбачев, Фрейндлих. И я остановил свой выбор на этом красивейшем храме российского драматического искусства.

— Хочу жить в Москве, потом хочу в Ленинграде... Вам всегда с такой поразительной легкостью доставались желанные подарки судьбы?

— Как бы не так! За все приходилось платить сполна. Вы и представить себе не можете, как часто искрометные желания и необузданная фантазия играли со мной злые шутки. И Петербург в этом плане не знает себе равных.

Город ломал меня, смертельно ранил мою душу, и, когда уже не было сил бороться, я каким-то мистическим образом вдруг находил в нем же живительный источник своего духовного возрождения...

Семейная идиллия моего первого брака длилась чуть больше дня. Мне было двадцать два года, и я едва ли не в одночасье остался в чужом мне городе без друзей, без любви.

Театр меня принял. Моей соседкой по коммуналке оказалась милейшая женщина Александра Силантьевна — коренная ленинградка, на себе испытывавшая все житейские тяготы блокадной поры. Но в душе у меня с каждым прожитым днем росло непреодолимое чувство безысходности.

Я не мог жить в этом царственно прекрасном городе. Меня до боли в суставах раздражала прямолинейная идеальность питерских улиц, холодный размах площадей, изощренное совершенство всевозможных архитектурных стилей. А знали бы вы, как бесили меня ленинградские белые ночи! Помню, однажды я вышел после спектакля под моросащий июльский дождь и, обнаружив, что они кончились, зарыдал от радости. Белые ночи подошли к концу, но моя жизнь и не думала возвращаться в нормальное русло. Я был узником в золотой клетке. Можно ли разорвать

ее пути? Я не нашел ничего лучшего, как пойти в военкомат. Там искренне удивились, но в просьбе не отказали. И вскоре я уже проходил военную службу в Монголии.

— Вы рассказываете поразительные вещи. В это трудно поверить. Но, пожалуй, ваша история — еще одно наглядное подтверждение магических проявлений петербургских тайн.

— Вы правы. Неслучайно именно в этом городе творил Федор Михайлович Достоевский. Не будь на земле Петербурга, не было бы и его. А тому, кто вкусил драму страстей этого города, уже не повернуть вспять. Через год я вернулся в театр. Вернулся, осознав, что мне не убежать от этого рокового для моей жизни и творческой судьбы города. Я все еще сопротивлялся магии Петербурга, пытаясь постичь его непостижимые тайны. Но я уже его любил.

Я начал в одиночестве бродить по нему ночами. В осеннюю слякоть, февральскую выюгу, под проливным дождем. Со стороны это могло показаться примитивным помешательством рассудка. Зимой я облачался в привезенную из Монголии овчинную солдатскую бекешу, брал посох. Я пешком обходил легко и не очень узнаваемые места жизни реальных исторических персона и не менее легендарных персонажей Пушкина. Достоевского, Гоголя, Александра Блока... Я по каплям впитывал в себя город на Неве, дышал и не мог насытиться духовными флюидами имперской столицы, вознившейся по воле гениального самодержца там, где изначально не должно было появиться ничего и близко напоминающего нормальную человеческую жизнь.

— И чем, если не секрет, закончились ваши ночные скитания?

— Сегодня, не стану лукавить, для меня нет города роднее и любимее, чем Петербург. Я прожил в нем семь лет.

— Не так уж много в масштабе человеческой жизни. Хотя семерка, как известно, — цифра магическая. Многие считают, что к семи годам в каждом ребенке закладывается нравственный фундамент будущей личности, формируется его мировосприятие.

— Возможно, это и так. Но для меня таким, как теперь стало модным говорить, "судьбоносным" семилетием стали годы жизни в Ленинграде. Это был период узнавания не только города и его обитателей. Это было время обретения самого себя. Я, скажу без кокетства, стал другим человеком. И сейчас, если так складываются обстоятельства, что не удастся побывать в Питере хотя бы раз в полгода, остро ощущаю, как меня буквально начинает ломать от тоски. Это мой город. Не представляю, как бы мне удалось создать без его участия сценические образы Рогожина в "Идиоте", Лукина в "Преступлении и наказании", Шатова в "Бесах" Белкина в "Болдинской осени".

Счастливым случай позволил мне однажды переночевать в пушкинской квартире на Мойке, когда там шли реставрационные работы. Незабываемый вихрь чувств и непроходящая боль. Мог ли Пушкин убить Дантеса? Судьба не дала ему шанса стать убийцей. И он сам, как мне кажется, предвосхитил драматичный финал собственной жизни, написав провидческие строки: "Гений и злодейство две вещи несовместные".

В начале этого года я ездил в Петербург, где, к своему удивлению, получив фестивальный приз с обязывающей формулировкой: "Немеркнувшей зрительской любви". Днем, прогуливаясь по Питеру, заглянул в церковь на Конюшенной площади, где отпевали Александра Сергеевича. Там теперь служит настоятелем отец Константин — мой давний друг; в миру Костя Смирнов, игравший со мной на подмостках Александринки. Сколько воды утекло... И как все переплелось: воспоминания, фантазии, сегодняшняя реальность.

Уезжая из Ленинграда в середине 70-х, я не мог и предположить, что

многие мои открытия этого города еще впереди.

— Какие же, например?

— Съемки в "Красных колоколах" Сергея Бондарчука, где я играл Подвойского. Помню, как меня ошеломила своей неожиданностью образ революционного Петрограда, рожденный воображением великого оператора Юсова.

А спустя еще какое-то время я испытал душевное потрясение, которому удалось затмить первоначальную яркость чувств от моей первой роковой встречи с Ленинградом во времена беззаботного студенчества. Это произошло на съемках фильма "Роман императора" о фатальных взаимоотношениях Александра II и Екатерины Долгорукой. Музеи тогда впервые за долгие годы начали обретать некую самостоятельность. Пытаясь выбраться из нищеты, они охотно соглашались сдавать в аренду свои уникальные территории заезжим киношникам с большим кошелем. У нас он был благодаря какому-то французскому спонсору. И эта жизнь перед камерой, в подлинных исторических интерьерах навсегда ушедшей эпохи, стала для меня, исполнявшего роль графа Шувалова, нечаянным подарком судьбы.

Как передать глубину чувств, рожденных в атмосфере реальных архитектурных памятников и всевозможной, только на первый взгляд чисто бытовой утвари, окружавшей реальных героев нашей киноверсии? Все это рукотворное наваждение (и я не раз в этом убеждался) способно сегодня влиять не только на наш душевный настрой, мироощущение. Ему подвластны и наши судьбы...

Теперь я твердо знаю, что каждое свидание с Петербургом сулит мне череду непредсказуемых открытий: ошеломляющие радостных встреч, приятных общений со старыми друзьями и новыми знакомыми. Я рискну сравнить свою любовь к этому городу с любовью к женщине. Пока в отношениях присутствует некая тайна, она не умрет и чувствам не грозит притупиться.

Беседу вела
Мария ПАСХИНА
Фото ИТАР-ТАСС